

Михаил Гомон

"Attalea princeps" В. М. Гаршина как художественный документ ЭПОХИ

Studia Rossica Posnaniensia 7, 61-75

1975

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

МИХАИЛ ГОМОН

Харьков

ATTALEA PRINCEPS В. М. ГАРШИНА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Отношение В. М. Гаршина к героической борьбе „Народной воли” (1879 - 1881 гг.) не было однозначным. Как личности революционеры восхищали писателя благородством, готовностью жертвовать своей жизнью во имя высокого общественного идеала. В этом плане морально они были ему близки. В письме биографу писателя народоволец Н. С. Русанов утверждал: „Гаршин несомненно сочувствовал борьбе народовольцев с абсолютизмом”¹.

Но сочувствие и моральное оправдание конечных целей революционеров „Народной воли” не означало у В. М. Гаршина безоговорочного принятия их метода борьбы — индивидуального террора. В этом состояло основное противоречие писателя, причинявшее ему мучительные страдания, ибо еще в большей степени он осуждал беспощадные правительственные репрессии, направленные против народовольцев. „Кровь возмущает меня, но кровь отовсюду”² — писал В. М. Гаршин в отчаянии. Но тот же Н. С. Русанов указывал: „... если порою терроризм и удручал Гаршина, то гораздо меньше потому, что жертвы падали с обеих сторон, чем потому, что на одной стороне смерть косила людей удивительной духовной красоты, беспримерного героизма и органически пропитанных самым высоким альтруизмом”³. Неудивительно поэтому, что в революционной среде и в кругах, близких к организации „Народная воля”, у В. М. Гаршина было много друзей и знакомых. Сохранились сведения о том, что писатель укрывал народовольцев на своей квартире⁴. Известно мужественное заступничество В. М. Гаршина за террориста И. О. Млодецкого⁵.

---

¹ С. Дурылин, *Вс. М. Гаршин. Из записок биографа*, „Звенья”, т. V, стр. 586.

² В. М. Гаршин, *Полное собрание сочинений в трех томах*, т. III, Москва—Ленинград 1934, стр. 208.

³ С. Дурылин, указ. соч., стр. 586.

⁴ Ф. Фидлер, *Литературные силуэты*. Гл. I. *Всеволод Михайлович Гаршин*, „Новое слово” 1914, № 1, стр. 69.

⁵ См. Ю. Г. Оксман, *Всеволод Гаршин в дни „диктатуры сердца”*, „Каторга и ссылка” 1925, № 2 (15).

Аллегорические новеллы *Attalea princeps* (1879 г.) и *Красный цветок* (1883 г.) являлись для В. М. Гаршина своеобразным итогом всей совокупности вопросов, связанных с проблемой народовольческой борьбы. Характерно, что эти произведения были созданы в период наивысшего подъема творческого духа писателя. Кульминационный момент героической по своему содержанию и трагической по своим результатам борьбы „Народной воли” как бы предопределил и наиболее интенсивное проявление творческих сил художника. Не видя и не зная выхода из создавшихся трагических обстоятельств, В. М. Гаршин, тем не менее, безгранично жаждал веры в существование такого выхода. Мучительным поиском его проникнуто, собственно, все творчество писателя. Но истинного пафоса он достигает именно в этих двух небольших по объему новеллах, которые ценны для нас не только непреходящими эстетическими достоинствами: они являются также богатейшим источником для изучения настроений в одну из переломных эпох, для понимания духовного мира тех, кто боролся с социальным злом на рубеже 1870 - 1880-х годов.

По складу характера, не являясь революционером, В. М. Гаршин был художником по самому типу мироощущения. Творческим сознанием писателя властно владела идея художественного изображения борцов, стремившихся уничтожить социальную несправедливость. „Мне хотелось бы воплотить этих людей в художественные образы, но это выше сил моих...”⁶ — говорил он своему другу-народовольцу. Действительно, В. М. Гаршин не создал развернутых реалистических образов героев „Народной воли”: неприятие террора в качестве средства разрешения общественных проблем неизбежно повлекло бы за собой выражение критического отношения к нему в художественных произведениях, на что писатель не мог решиться как честный и сочувствующий революционерам человек. Это положение мучило его в такой же степени, как и собственно террористическая борьба. Очевидно, именно здесь следует усматривать один из истоков особого типа романтически-аллегорического изображения народовольцев и их „дела” в *Attalea princeps* и *Красном цветке*.

Иногда делается акцент на том, что В. М. Гаршин „вынужден был по цензурным условиям разрабатывать тему освободительной борьбы в романтическом плане, пользуясь аллегориями и символами”⁷. Тяжелые условия царской цензуры, конечно, не позволяли прямо обращаться к образам революционных народников, которые, если и появлялись в легальной беллетристике, то эпизодически, иногда на периферии произведения, как бы за кулисами сюжета (К. М. Станюкович — *Два брата, В места не столь отдаленные*; Д. Н. Мамин-Сибиряк — *В худых душах*; Г. И. Успенский — *Выпрямила*; А. О.

⁶ И. И. Попов, *Минувшее и пережитое*, Москва—Ленинград 1933, стр. 45.

⁷ *История русской литературы в трех томах*, т. III, Москва 1964, стр. 632.

Осипович-Новодворский — Роман; М. Е. Салтыков-Щедрин — *Письма к тетеньке, Современная идиллия* и др.). Но это был лишь один из мотивов обращения к иносказательным формам изображения героя времени. Основная причина гаршинского стремления к аллегоризму коренилась в самой природе дарования писателя. „Склонность Гаршина к аллегорическим рассказам имеет свои основы во внутренних закономерностях его творчества. Аллегория становится специфическим свойством и следствием эстетических и идейных исканий Гаршина”⁸.

Источником условных иносказательных ситуаций в *Attalea princeps* и *Красном цветке* была не просто трагическая действительность, свойственная эпохе: Гаршина-художника отличала особая субъективность, исключительная эмоциональная восприимчивость к изображаемым явлениям. „Пристрастие к изображению своих мыслей в сказочной форме есть прямой признак необыкновенной чувствительности к жизненным впечатлениям. Написать о каком-либо явлении жизни „обстоятельно”, подробно и много было не по нервам Гаршина: ему нужно было как можно скорее освободить себя от угнетающего впечатления переживаемых фактов; они ясны ему до поразительности, и вот на помощь ему пришла сказка и аллегория” — писал Г. И. Успенский, который отметил также чрезвычайную синтетичность метода В. М. Гаршина, указав на то, что „в его маленьких рассказах и сказках, иногда в несколько страничек, положительно исчерпано все содержание нашей жизни...”⁹.

Этот синтетизм В. М. Гаршина не был понят некоторыми современниками. Один из них, отмечая целый ряд якобы имеющихся в рассказах В. М. Гаршина недостатков (отсутствие типов, действия и пр.), писал: „Сжатая форма изложения, за которую так много сыпалось похвал г. Гаршину, есть не более, как свойственный ему прием, неизбежный при серьезных задачах и выгодный уже и потому, что он приводит читателя к убеждению, что автор изучил с должным старанием то, о чем пишет, раньше чем вылил свои наблюдения в лаконичные формы”¹⁰. Как бы отвечая на подобные упреки, В. Г. Короленко писал, развивая мысль Г. И. Успенского: „Сила Гаршина не во внешней занимательности действия, а в глубине и интенсивности, с какой он отражал наиболее характерные настроения своего поколения”¹¹.

Типичность аллегорических образов *Attalea princeps* и *Красного цветка* в том и состоит, что они, несмотря на условную форму, выражают тенденции освободительной борьбы конца 1870-х — начала 1880-х годов со всей ее противоречивостью. В этих новеллах чрезвычайно сильна традиция прогрессивного романтического искусства. Героические поступки гордой

⁸ В. Костришица, *Действительность, отраженная в исповеди (К вопросу о стиле В. Гаршина)*, „Вопросы литературы” 1966, № 12, стр. 141.

⁹ Г. Успенский, *Полное собрание сочинений*, т. XI, Москва 1952, стр. 467.

¹⁰ Н. Шмаков, *Типы Всеволода Гаршина. Критический этюд*, Тверь 1884, стр. 17.

¹¹ В. Г. Короленко, *Собрание сочинений в десяти томах*, т. 8, Москва 1955, стр. 247.

пальмы *Attalea*, решившей во что бы то ни стало выйти на свободу из теплицы-тюрьмы, и благородного „безумца”, жертвующего своей жизнью во имя уничтожения „цветов зла”, проявляются в ярких, величественных порывах к прекрасному будущему, в мужественной борьбе за его скорейшее приближение. Романтика у В. М. Гаршина не абстрактна, не отвлеченна, а детерминирована реальными событиями борьбы революционеров-народовольцев с существующей общественной несправедливостью. Романтическое воспроизведение действительности органически уживается в этих произведениях с реалистическим, поскольку конфликт героев со средой мотивирован обстоятельствами самой жизни. Романтика *Attalea princeps* и *Красного цветка* — это романтика самоотверженного подвига. При этом для В. М. Гаршина вовсе не обязательно, чтобы герои достигли практических результатов, хотя страстная жажда успеха ощущается в каждой его строчке.

Вопрос о природе творческого метода В. М. Гаршина остается одной из насущных проблем литературоведения¹². В. Д. Сквозников определяет метод писателя как органическое сочетание романтики и реализма¹³. Само по себе предложенное решение не вызывает категорического возражения. Но исследователь погрешил, на наш взгляд, в том смысле, что распространил свои суждения на все творчество В. М. Гаршина, тогда как творческий путь писателя отчетливо делится на два периода: первый — до душевного заболевания, вызванного заступничеством за И. О. Млодецкого, и выздоровления (1882 г.); и второй, — связанный с творческими исканиями 1880-х годов, вовсе не адекватными поискам первого периода. Первый период творческой деятельности В. М. Гаршина внутренне связан с наивысшим подъемом борьбы народников — это были годы второй революционной ситуации в России. Второй период соотносится с мрачной правительственной реакцией, наступившей в результате гибели „Народной воли”, и развитием пессимистических, упадочнических настроений в среде русской демократической интеллигенции. Очевидно, нельзя давать обобщающие характеристики творчества В. М. Гаршина без учета этих принципиальных моментов. В первый период в ряде произведений писателя (*Attalea princeps*, *Ночь*, *Красный цветок*) четко обнаруживаются тенденции активного романтизма. Во второй период в творческих исканиях В. М. Гаршина преобладают пессимистические тенденции (*Сказка о жабе и розе*, *Медведи*, *Сигнал*).

Характеризуя творческую манеру В. М. Гаршина, болгарская исследовательница М. Д. Гургулова пишет: „Лирическая окраска гаршинских рассказов, их особая эмоциональность вызвана самим объектом изображения — характерными особенностями демократического интеллигента 70 - 80-х годов

¹² Г. А. Бялый, *Всеволод Михайлович Гаршин*, Ленинград 1969, стр. 111 - 127.

¹³ В. Д. Сквозников, *Реализм и романтика в произведениях В. М. Гаршина. (К вопросу о творческом методе)*, „Известия АН СССР” (Отделение литературы и языка) 1957, т. XVI, вып. 3.

с его мучительными идейными поисками и трагическими разочарованиями. Здесь проявились и индивидуальные черты Гаршина, его болезненная чувствительность и глубокое сострадание к человеческому горю”. Далее М. Д. Гургулова справедливо указывает, что В. М. Гаршин пользовался и другими художественными приемами: „Иными творческими средствами пользовался Гаршин для создания образа деятеля, активного борца. Он прибегает к символической фантастике, к романтической условности как средству поэтического обобщения действительности. Это проявляется в выборе жанра сказки, фантастического рассказа, в приподнятости и необычности образов, в особенностях развития сюжета...”¹⁴. Фактически здесь говорится о двух художественных манерах писателя, хотя исследовательница и не соотносит свои выводы с двумя периодами его творческого пути.

Четкое, научно обоснованное разграничение в этом плане позволило бы более конкретно и глубоко изучить также специфику военных рассказов первого и второго периодов творчества В. М. Гаршина (*Четыре дня*, *Трус — Денищик и офицер*, *Из воспоминаний рядового Иванова*) и тех реалистических рассказов, в которых отразилось „будничное зло” (*Происшествие — Надежда Николаевна*). Только тогда, на наш взгляд, можно приступать к изучению как общей типологии гаршинского творчества, так и решать вопрос о сравнительном его исследовании¹⁵.

Недостаточная изученность творческого метода В. М. Гаршина сказывается на том, что природа аллегоризма *Attalea princeps* и *Красного цветка* трактуется подчас весьма противоречиво. Было время, когда в этих новеллах вообще не усматривалось аллегории и говорилось о пальме как таковой и просто о человеке, сошедшем с ума¹⁶. Некоторые исследователи, наоборот, видели в этих новеллах прямолинейную аналогию: в гордой *Attalea* и прекрасном „безумце” дана трагическая судьба террористов „Народной воли”¹⁷. Нередко

¹⁴ М. Д. Гургулова, *Творчество В. М. Гаршина. Малоизученные стороны творческого облика писателя*. Автореферат, Москва 1965, стр. 9 - 10.

¹⁵ М. Гургулова, *Гаршин и Лермонтов (психологическая параллель)*. В сб.: *Проблемы теории и истории литературы*, Москва 1971; В. А. Колбовский, *В. Гаршин и Г. Успенский*. В сб.: *Проблемы реализма русской литературы XIX - XX веков*, Днепропетровск 1970; В. Маранцман и Э. Румянцева, *Чехов и Гаршин*. В кн.: *А. П. Чехов. Сборник статей и материалов*, вып. II, Ростов-на-Дону 1960; Ф. И. Евнин, *Ф. М. Достоевский и В. М. Гаршин*, „Известия АН СССР” (Отделение литературы и языка) 1962, т. XXI, вып. 4.; М. Соколова, *Романтические тенденции критического реализма 80 - 90-х годов (Гаршин и Короленко)*. В сб.: *Развитие реализма в русской литературе*, т. III, Москва 1974.

¹⁶ И. И. Ясинский, *Всеволод Гаршин (опыт характеристики)*. В кн.: *В. М. Гаршин, Полное собрание сочинений*, Санкт-Петербург 1910, стр. 512; В. Чуйко, *Голый патологический этюд*, „Новости” 20 октября 1883.

¹⁷ Г. А. Бялый, *В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов*, Москва—Ленинград 1937, стр. 105 - 107; Ю. Г. Оксман, *Жизнь и творчество В. М. Гаршина*. В кн.: *В. М. Гаршин, Сочинения*, Москва—Ленинград 1934, стр. 15.

аллегорические образы гаршинских произведений трактуются в абстрактном моралистическом плане: исследователи подчеркивают отвлеченную необходимость борьбы с мировым злом, не соотнося свои выводы с общественно-историческими условиями и затушевывая политический пафос и смысл новелл¹⁸. Часто *Attalea princeps* и *Красный цветок* упрощенно соотносятся с развитием пессимистических настроений, разочарованием и бесперспективностью, которые овладели демократической интеллигенцией, утратившей „прежние идеи” и не нашедшей „новых”¹⁹.

Смысловая структура аллегорических образов по своей природе и функции, разумеется, многозначна и рассчитана на внутреннюю активную работу читателя²⁰. Именно в этом причина нескольких несовместимых между собой толкований идейного содержания *Attalea princeps*. Действительно, здесь легко сделать акцент как на пессимистической трактовке образа пальмы (бесполезность борьбы, жертвы и т.д.), так и на оптимистических перспективах (необходимость борьбы и жертвы во имя свободы). Переливаясь друг в друга, эти смыслы в равной степени содержатся во внутренней структуре гаршинской новеллы. Объективно аллегория *Attalea princeps* реализует себя в художественном восприятии не как данность, а как диалектическая направленность. Иначе говоря, смысл образов здесь невозможно истолковать путем сведения их к какому-либо определенному понятию. Если допустить, что гордая *Attalea* — это символ народовольцев, а теплица, в которой томится пальма — это тюремный самодержавный строй, то такое истолкование, конечно, не будет ложным. Не следует только им ограничиваться, не видя здесь более широких обобщений. Если же считать, что *Attalea princeps* вовсе не аллегорическое произведение, что речь идет в нем просто о растениях, тогда логически вытекает вывод об отдаленности писателя от общественных и моральных проблем эпохи, что противоречит как гражданскому облику В. М. Гаршина, так и внутренним закономерностям его творчества, самой природе его идейно-художественных исканий.

Таким образом, истолкование аллегорических образов является собственно гуманистическим способом постижения истины и вовсе не обязательно должно иметь целью понятийную конкретизацию. Иными словами, в оценке

¹⁸ Волжский [А. С. Глинка], *Гаршин как религиозный тип*, Москва 1906, стр. 16; А. Кирпичников, *Всеволод Михайлович Гаршин (личные воспоминания)*, „Вестник воспитания” 1903, № 1, стр. 34; Г. Ю. Говоруха-Отрок, *Литературные заметки*, „Южный край” 29 октября 1883; Я. Абрамов, *Петербургское письмо*, „Казанский биржевой листок” 4 октября 1888; О. Ф. Миллер, *Памяти В. М. Гаршина*, Санкт-Петербург 1889, стр. 14 - 17; П. А. Заболотский, *Памяти „рыцаря чуткой совести” В. М. Гаршина. 1888 - 1908*, Киев 1908, стр. 14.

¹⁹ *История русской литературы XIX века*, т. II, Москва 1963, стр. 561.

²⁰ А. А. Потебня, *Из записок по теории словесности*, Харьков 1905, стр. 306; E. Vaes, *Le symbole et l'allegorie*, „Mèmoires couronnés et autres mèmoires”, t. LIX, juillet, Bruxelles 1900, p. 127-159.

гаршинской новеллы в равной мере неприемлемы как суждения по нантию, так и поверхностная рационалистическая нормативность: произведение обладает безграничной смысловой перспективой.

Однако истинные шедевры искусства, как правило, являются для своего времени откликом на животрепещущие проблемы бытия, и современники остро реагируют на их актуальность. Не случайно *Attalea princeps* была воспринята многими как аллегорическое изображение революционеров. То есть, исходя из общей заданности гаршинской новеллы, из тогдашней исторической действительности, характерной особенностью которой была трагическая борьба „Народной воли” с русским самодержавием, можно заключить, что одним из аспектов постижения идейно-художественного смысла *Attalea princeps* будет соотнесение ее с борьбой революционеров, решивших путем террора вырвать политическое освобождение для народа. Если же рассматривать *Attalea princeps* лишь в отвлеченном абстрактно-моралистическом плане, без исторической детерминированности ее во времени, то в сущности, невозможно объективно понять и оценить как историю публикации новеллы, так и споров относительно ее объективной направленности. Г. А. Бялый, в принципе, был прав, указав на правомерность соотношения гаршинского произведения с фактами народовольческой борьбы²¹. Ему не следовало только ограничиваться этим соотношением. Исследователь построил свои аргументы на недостаточном историческом материале и не оговорил других планов художественного восприятия новеллы, в результате чего *Attalea princeps* в его интерпретации выглядела как прямолинейная аллегория.

Уже в экспозиции гаршинской новеллы бросается в глаза прежде всего четкий реальный план: герои ведут себя по законам, которые специфичны именно для этого плана. Автор дает описание огромной теплицы, построенной из стекла и железа; в оранжерее „виднелись заключенные растения” и т.д. Но постепенно внутри прямого, реального повествования появляются элементы (сравнения, намеки и пр.), свидетельствующие о наличии в нем второго, иносказательного плана. Совокупность этих элементов становится своеобразным кодом к пониманию аллегорических образов новеллы. В результате происходит своего рода переход реалий первого плана в новое эстетическое качество. И несмотря на то, что коды эти не поддаются прямолинейной дешифровке, в художественном восприятии читателей конца 1870 — начала 1880-х годов они трансформировались в довольно прозрачные аллюзии. Аллегорические образы *Attalea* и ее окружения ассоциировались с конкретной действительностью — героической борьбой народovolьцев с царским правительством. В конечном итоге, изображаемая В. М. Гаршиным картина предстает как своеобразное сцепление на равных правах обоих — прямого и иносказа-

---

²¹ Г. А. Бялый, *В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятных годов*, стр. 105 - 107.

тельного — планов. Основное значение для нас, разумеется, имеет функция второго плана, поскольку именно с ней связана общеидейная заданность гаршинского произведения. Верный методологический подход в трактовке *Attalea princeps* сделан В. Д. Сквозниковым, который предложил считать прямой и иносказательный планы гаршинской новеллы — равноплановыми²². Исследователь, однако, не рассматривает второй план *Attalea princeps* (народовольческая борьба), что вступает в противоречие с выдвинутыми им же посылками.

Конечно, вся целиком гаршинская новелла не является элементарной иллюстрацией борьбы и „поражения-победы” „Народной воли”. Но наше понимание *Attalea princeps* было бы чрезвычайно обедненным без учета восприятия и истолкования ее в качестве своеобразной аллюзии. Вот почему, признавая вечность темы *Attalea princeps*, мы вправе смотреть на это произведение глазами современников В. М. Гаршина. Думается, что в таком случае не остается места ни вульгаризации, ни упрощенчеству. Художественное произведение многогранно и многозначно. А если это истина, то она не должна противоречить и данной трактовке аллегорической новеллы. Таким образом, в художественной структуре *Attalea princeps* отчетливо обнаруживаются два плана: прямой — растения, помещенные в оранжерею; и второй — иносказательный подтекст, политический смысл которого соотносится непосредственно с действительностью. В. М. Гаршин проникновенно показывает, как чувствовала себя в этих условиях фактического заключения гордая бразильская пальма с красивым именем „Attalea”. Резко выделяясь среди других растений, она не может примириться с унижительным положением пленницы. Для усиления трагической участи пальмы В. М. Гаршин нарочито окружает ее растениями, которые смирились, пали духом и не помышляют ни о чем, кроме обыденных нужд.

Следовательно, положение *Attalea*, не желавшей прозябать в заточении, выглядит особенно мучительным и тягостным. Отсюда ее знаменитое обращение, исполненное недвусмысленного революционного смысла: „Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле” (подчеркнуто нами — М. Г.). Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стекла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрется в стекло, то, конечно, ее отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами”²³. Напомним, что „дело” в легальной публицистике означало именно революционное „дело”.

Призыв героини к совместному делу как бы продиктован условиями создавшегося в конце 1870-х — начале 1880-х годов положения в России,

²² В. Д. Сквозников, указ. соч., стр. 244.

²³ В. М. Гаршин, *Сочинения*, Москва 1955, стр. 95.

когда народовольцы не однажды обращались к либеральным кругам с убеждениями о необходимости создания общего фронта борьбы с самодержавием. Знаменательно, что одновременно с появлением в печати *Attalea princeps* („Русское богатство” 1880 г., № 1, стр. 142 - 150), вышел третий номер революционного обозрения „Народная воля” от 1 января 1880 года, в котором как бы расшифровывалось воззвание гаршинской пальмы. Народовольцы прямо предлагали либералам принять участие в консолидации всех сил в борьбе с самодержавием: „Война начата не на жизнь, а на смерть, и как ни велики энергия, способность приспособляться к борьбе, обнаруженные партией за все последние годы, положение дел весьма серьезно. Каждый порядочный человек, имеющий что-нибудь за душой, обязан подумать, что из этой ожесточенной схватки нет другого исхода: либо правительство сломит движение, либо революционеры правительство. Но для последнего партии необходима общая активная поддержка и обильный приток сил, необходимо движение общее. А у нас не только общество и народ остаются праздными зрителями борьбы, но даже сами социалисты часто склонны взваливать этот страшный поединок на плечи одного Исполнительного Комитета. Нормально ли такое положение вещей?”

Реакция на призыв пальмы весьма показательна и как нельзя более метко раскрывает сущность русского либерализма: „Сначала никто не возражал пальме: все молчали и не знали, что сказать. Наконец саговая пальма решилась.

— Все это глупости — заявила она.

— Глупости! Глупости! — Заговорили деревья, и все разом начали доказывать *Attalea*, что она предлагает ужасный вздор. — Несбыточная мечта! — кричали они, — вздор, нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их...”²⁴ Понимает *Attalea* и сочувствует ей лишь „маленькая и вялая травка”. Однако она ничем не может помочь пальме, одиночество которой, таким образом, обусловлено как безучастным отношением к ее стремлению освободиться со стороны смирившегося большинства, так и бесполезным сочувствием меньшинства.

В литературе о В. М. Гаршине можно встретить интерпретацию гордого порыва пальмы к свободе как индивидуалистического акта, как попытки бороться лишь для себя. „Не оттого ли погибает *Attalea princeps*, что она действует «за собственный счет и страх», лично для себя, отречась от солидарности с другими, трусливыми растениями”²⁵. Эту странную мысль повторяет почти дословно В. Д. Сквозников: „Поэтический образ *Attalea* не может не возбудить в нас любви и сострадания, но не будем забывать, что она борется

---

²⁴ В. М. Гаршин, *Сочинения*, стр. 95

²⁵ К. К. Арсеньев, *В. М. Гаршин и его творчество*. В кн.: В. М. Гаршин, *Полное собрание сочинений*, Санкт-Петербург 1910, стр. 535 - 534.

лишь за себя...”²⁶. О. Ф. Миллер утверждал, что пальма стремилась извлечь „личную выгоду” из союза с другими растениями²⁷. Создается впечатление, что авторы невнимательно прочитали текст новеллы. „Ведь все дело именно в том и заключается, что она звала всех бороться во имя общего счастья и была вынуждена совершать свой подвиг в одиночку, что среди окружения у нее нет союзников, если не считать беспомощной травки. обстоятельно указал на это Г. А. Бялый: „Нужно сказать, что одиночество гордой пальмы здесь объясняется не какими-либо внутренними психологическими мотивами, а тем рабским смирением и готовностью мириться с неволей, которые обнаруживает окружающая пальму среда”²⁸. Напоминая русскому обществу о его гражданском долге, новелла косвенно выражала политические устремления народовольцев.

Ту же функцию выполняет и описание величественного подвига *Attalea*, смысл которого не мог не вызвать в сознании читателей аналогии с героической борьбой „Народной воли”: „Тогда пальма принялась расти. И прежде посетители оранжереи удивлялись ее огромному росту, а она становилась с каждым месяцем выше и выше ... И она росла, тратя соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая их свои корни и листья...

— Смотрите, смотрите, — заговорили растения, — куда она забралась. Неужели решится?...”²⁹.

Финал *Attalea princeps* — наиболее противоречивый элемент художественной структуры новеллы. Именно он послужил источником многих недоразумений как в связи с публикацией новеллы, так и в связи с позднейшими толкованиями ее идейного смысла. Незадолго до гибели „Народной воли” В. М. Гаршин как бы предрекал трагическую неизбежность ее конца. Смерть гордой пальмы прозвучала, как отметил В. Г. Короленко, „пророчеством Кассандры”³⁰: „И в эту минуту раздался звонкий удар. Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стекла ... Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зеленая корона пальмы. Только-то? — думала она. — И это все, из-за чего я томила и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшей целью? Была глубокая осень, когда *Attalea* выпрямила свою вершину в пробитое отверстие. Моросил мелкий дождик пополам со снегом ... И *Attalea* поняла, что для нее все было кончено. Она застывала”³¹.

²⁶ В. Д. Сквозников, указ. соч., стр. 244.

²⁷ О. Ф. Миллер, указ. соч., стр. 16. См. также: Эк. Екатерина, В. М. Гаршин, Москва 1911, стр. 26.

²⁸ Г. А. Бялый, В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов, стр. 105.

²⁹ В. М. Гаршин, Сочинения, стр. 97.

³⁰ В. Г. Короленко, Собрание сочинений, т. 8, стр. 237.

³¹ В. М. Гаршин, Сочинения, стр. 98.

Общественный резонанс, вызванный финалом новеллы, заслуживает более подробного рассмотрения, нежели это обычно делается. Появление *Attalea princeps* в печати совпало с небывалым подъемом революционно-народнической борьбы. Передовые круги русского общества испытывали надежды на возможность и реальность существенных демократических перемен. „То время (конец семидесятых годов) было крайне неблагоприятно для философского пессимизма. Мыслящие круги общества были охвачены возрастающим приливом деятельного настроения борьбы и надежды. Решение „проклятых вопросов” казалось (до наивного) легким и близким. А так как все же борьба была трудна, то общество инстинктивно чувствовало потребность в ободряющем и энергическом настроении. За эти ноты оно часто прощало очевидную нехудожественность самих образов и не хотело воспринимать пессимистических мотивов даже в истинно художественном произведении”³² — писал В. Г. Короленко. Неудивительно поэтому, что на общем оптимистическом фоне трагический финал гаршинской новеллы был воспринят М. Е. Салтыковым-Щедриным как политически вредная и не способствующая делу борьбы аллюзия. Стоявший во главе демократических сил сатирик гневно напал на Н. Н. Златовратского — одного из сотрудников журнала „Русское богатство”: „Это вы зачем же „Атталею” приняли? Это... значит... я, по-вашему, преступление сделал, что не поместил ее? А?” На оправдание Н. Н. Златовратского (сказка талантлива и ничего не „проповедует”) М. Е. Салтыков-Щедрин возразил так: „Да, конечно, проповедует... фатализм проповедует... вот что-с. ... Самый беспощадный фатализм... губящий всякую энергию... всякий светлый взгляд на будущее. Ведь с таким фатализмом — куда же дальше идти?”³³

Не столь резко, но близко к М. Е. Салтыкову-Щедрину судил об *Attalea princeps* П. Ф. Якубович. В статье *Гамлет наших дней* читаем: „Не случится ли с чающими движения воды, с ищущими выхода на свежий воздух из душной атмосферы отживших традиций того же, что случилось с гордой пальмой (*Attalea princeps*), пробившей в неудержимой жажде свободы крышу оранжереи и что нашедшей там? Холод и мрак, т.е. ту же смерть, только более скорую...”³⁴. Как бы расшифровывая гаршинские пессимистические вопросы и ответы, один из виднейших народовольцев считал их и сточки зрения насущных потребностей революционной борьбы заслуживающими осуждения.

Для настроений революционной общественности характерен и анонимный отзыв об *Attalea princeps*, появившийся в журнале „Дело”: „Симпатии

³² В. Г. Короленко, *Собрание сочинений*, т. 8, стр. 237.

³³ Н. Златовратский, *Из литературных воспоминаний. Тургенев, Салтыков и Гаршин*. В. сб.: *Братская помощь пострадавшим в Турции армянам*, Москва 1897, стр. 401 - 402.

³⁴ Цитируется по кн.: В. М. Гаршин, *Полное собрание сочинений*, Санкт-Петербург 1910, стр. 543.

автора, конечно, лежат на стороне его смелой и самоотверженной героини. Но дело в том, что Attalea г. Гаршина, добившись своей цели, тут же и разочаровывается жестоко [...] Это чисто субъективная черта г. Гаршина, и притом черта, определяющая всю его литературную физиономию. Он страдает, именно страдает каким-то странным скептицизмом, каким-то недоверием к жизни и неверием в людей. Наша борьба представляется ему бессмысленной сутолокой, по поводу наших идеалов он спрашивает «только-то»? Это именно г. Гаршин, а не его Attalea спрашивает, потому что кому же неизвестно, что главная сила людей, подобных этой пальме, заключается в цельности их чувств, в могущественности их мнений и желаний, в их, наконец, вере. Достигнув своего идеала, они не спросят «только-то»? и не погибнут с отчаяния, а лягут в могилу, успокоенные и умиротворенные. Так, по крайней мере, вопреки мнению г. Гаршина, говорит нам история»³⁵.

Для анонимного рецензента, как для М. Е. Салтыкова-Щедрина и П. Ф. Якубовича, совершенно неприемлемым было разочарование гаршинской пальмы в исходе своей борьбы. Он же усматривал здесь скрытую полемику с революционерами, видя в *Attalea princeps* аллюзию и вовсе не склонен был рассматривать ее в абстрактно-моралистическом плане. „Неудовлетворенность победившей героини могла расхолаживающе подействовать на тех, кто в упорной и долгой борьбе еще только готовил победу”³⁶.

И все же критика В. М. Гаршина, хотя и объяснялась политической злобой дня, в результате оказалась не во всем справедливой. И не только потому, что представители демократической общественности как бы не хотели замечать в героической гибели пальмы оптимистического начала и этического оправдания ее подвига: предвидя трагическую участь народовольцев, В. М. Гаршин в конечном итоге оказался прав. Не случайно позднее происходит своеобразное признание этой правоты писателя. Так, в „Отечественных записках” за 1882 год была опубликована статья Н. Я. Николадзе *Борцы поневоле*³⁷. Автор защищал В. М. Гаршина от обвинений в проповеди мрачного отчаяния и самоубийства, в подрыве веры в полезность и необходимость борьбы. Критик подчеркивал силу и жизнеутверждающий пафос *Attalea princeps*. Статья Н. Я. Николадзе была направлена против тех истолкователей В. М. Гаршина, которые после трагической гибели „Народной воли” скептически смаковали реплику пальмы „только-то”?, проповедуя бессмысленность революционного движения, против тех, кто не желал видеть в героизме несмирившегося дерева „неудержимой жажды свободы”. Сотрудник „Отечественных записок” выступил против попыток изолировать писателя от об-

³⁵ „Дело” 1882, кн. VIII, отд. 2, стр. 45 - 46.

³⁶ Г. А. Бялый, *В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов*, стр. 107.

³⁷ „Отечественные записки” 1882, № 11.

щества, сгладить остроту политической проблематики его произведений. И характерно, что печатный орган, который именно за „только-то?” три года назад отвергал *Attalea princeps*, теперь признавал ее объективную революционную значимость. Происходила, таким образом, любопытная переоценка идейно-художественных ценностей, в чем была своя логика. В 1879 году, в момент необыкновенного напряжения всех революционно-демократических сил в стране, новелла В. М. Гаршина не могла быть принятой во всем: знаменитое „только-то?” могло помешать борьбе. Когда же народо-вольцы потерпели поражение и в русском обществе стали развиваться пессимистические настроения, гаршинская гордая пальма напоминала о том, что необходимо во что бы то ни стало продолжать борьбу.

Значительно позже, в период развернутого пролетарского движения в России, В. Г. Короленко как бы подведет итог этим спорам, подчеркнув что в *Attalea princeps* действительно, звучит печальное предчувствие, но еще нет последних выводов законченного пессимизма. Гаршин не говорит: „Таков удел прекрасного на свете, таковы вечные законы, карающие всякие порывы к свету и свободе”. Он говорит только „так бывает”...³⁸ Образ пальмы, столь враждебной всяким компромиссам, содержал в себе лишь сомнение в возможности достичь победы путем террора, но отнюдь не отрицание самой необходимости борьбы за политическую свободу. Как отметил Г. А. Бялый, гибель пальмы изображается В. М. Гаршиным „и как победа и как поражение одновременно”³⁹. Героическая гибель — это не поражение, а подвиг. Но предсмертное разочарование героини — это, конечно, поражение. В этих двух аспектах воспринималась современниками гаршинская новелла и была соотнесена с перспективами освободительного движения.

Многозначность аллегорического смысла гибели пальмы допускает и иные функциональные толкования. Иногда усматривают здесь своеобразный укор борцам, которые вступили в борьбу, не зная суровых законов жизни. На пальму с укоризной смотрят сосны и ели и как будто говорят ей: „Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть”. В этом упреке В. Акимов видит „горькое предостережение тем, кому тепличные”, утопические теории мешают видеть жизнь, кто пытается перестроить действительность, не зная ее и „не умея терпеть”⁴⁰. Исследователь, однако, слишком расширительно интерпретирует финал новеллы: появляется совершенно не свойственный *Attalea princeps* моралистический оттенок, что сближает ее со сказками Г. Х. Андерсена на тему о гордых мечтателях-растениях, не покоровившихся высшим силам и за это наказанным (*Гречиха, Последний сон старого дуба*

³⁸ В. Г. Короленко, *Собрание сочинений*, т. 8, стр. 238.

³⁹ Г. А. Бялый, *Всеволод Гаршин*, стр. 57.

⁴⁰ В. Акимов, *Человеческий талант (о В. М. Гаршине)*. В. кн.: В. М. Гаршин, *Красный цветок. Расск зы*, Ленинград 1970, стр. 17.

и др.). В. М. Гаршин утверждает правомерность, величие и красоту устремления своей героини к свободе. Народовольцы, символом которых в сущности была гаршинская пальма, страстно желали скорейшего приближения „золотого века” на земле и установления высшей справедливости. Во имя этого они жертвовали своей жизнью. В. М. Гаршин мучительно переживал, что путь избранный ими — индивидуальный террор — не приносил осуществления прекрасной мечты. Новелла, конечно, несет на себе печать безнадежности. Решения проблемы нет. Налицо, однако, этическое оправдание необходимости борьбы. Именно это, а не общий пессимистический тон привлекало к *Attalea princeps* многих революционно настроенных современников. Э. Ю. Улановская, одна из политических заключенных, писала матери в 1881 году: „На днях у меня была новая книжка журнала с *Attalea princeps* Гаршина. Я с нетерпением ждала свидания, скорей хотелось поделиться впечатлением от этой изящной вещицы. Мамочка, прочтите непременно и Вы; не жалейте прекрасную пальму ... Пожалейте эту маленькую, бедную травку — у нее не было силы выбиться из тюрьмы хотя бы перед смертью ...”⁴¹. Известно, что революционерка, столь высоко ценившая подвиг *Attalea*, послужила В. Г. Короленко прототипом для написания рассказа *Чудная*.

Таким образом, мотивы, настроения и образы *Attalea princeps* не могли не натолкнуть современных читателей на размышления, связанные с ведущейся народовольцами борьбой. Именно поэтому, а не потому, что в ней отразилась отвлеченная идея стремления к свободе, новелла В. М. Гаршина оказалась жгуче злободневной. Для современников смысл гаршинской аллегории выступал определенно и был поставлен в прямую связь с конкретными событиями революционного движения. Разумеется, *Attalea princeps* не политический трактат. Это — художественная модель типической ситуации конца 1870-х — начала 1880-х годов. Но политический смысл ее не подлежит никакому сомнению.

Печальному предчувствию В. М. Гаршина суждено было сбыться. Через год после появления *Attalea princeps* в печати революционная организация „Народная воля” (гордая прекрасная пальма) достигла своей цели: император Александр II, в лице которого народовольцы видели средоточие несправедливого общественного устройства в России, был убит бомбой И. И. Гриневицкого. Однако реальный результат этой победы был не тем, на который надеялись революционеры. До настоящей победы и до настоящей революции было еще далеко. Следует отметить, что состояние душевной депрессии и отчаяния было присуще народовольцам и до царевубийства. Не последнюю роль сыграл здесь целый ряд неудавшихся покушений на Александра II. Описывая заседания Исполнительного Комитета „Народной воли” накануне 1 марта 1881 года. М. Н. Оловенникова отмечала их лихорадочный, нервный характер.

⁴¹ „Каторга и ссылка” 1926, № 3 (24), стр. 241 - 242.

Настроение руководителей готовившегося покушения было подавленным: „Чувствовалось страшное напряжение нервов, некоторая усталость и развращенность. Все внимание поглощалось террором ...”⁴². Внутренний драматизм этих строк свидетельствует о явных признаках душевного надлома, морального кризиса и тупика, в котором оказались народовольцы. Одновременно — это своего рода реальный комментарий к горькому пророчеству В. М. Гаршина. Как известно, современники не хотели принять этого предвосхищения. И они по-своему были правы, исходя из потребностей момента. В исторической же перспективе оказался прав В. М. Гаршин, хотя это следует объяснять, конечно, не его политической зрелостью, а его изумительной художественной интуицией.

ATTALEA PRINCEPS BY W. M. GARSHIN AS AN ARTISTIC DOCUMENT OF
THE EPOCH

by

MICHAEL GOMON

Summary

The author indicates the direct relationship between W. M. Garshin's short story and the atmosphere and political fight in Russia on the turn of the 70s and 80s of the nineteenth century. The author, however, does not consider the work as a political treatise. He envisages it as a particular artistic model of a typical situation in a given period in Russia.

To do this the author not only analyzes the contents of the story but also the materials related to the literary and political polemic that flared up since the time of the publication of this work of great diversity of meaning. Images, motifs and moods shown in this story have been closely connected in the minds of Garshin's contemporaries with the revolutionary struggle of the members of Narodnaia Wola with tsarism. The opinion has not, however, been unanimous but oftentimes dependent on the actual political situation.

The author of the article specifies also the central idea of the story, which is a synthetic expression of the actual political strife, contained in the romantic and allegorical form. The work presents the element of hopelessness but first of all the moral and ethical justification of the struggle for freedom.

---

⁴² „Былое” 1907, № 7, стр. 7.